

Взаимовлияние семантических и логических аномалий в условиях языковой игры

В статье рассматривается взаимообусловленность логических и семантических аномалий в условиях языковой игры. Данный процесс получает описание на примере функционирования каузальных пропозиций. Искажение норм их формирования может происходить за счет нарушения законов логики, влияния скрытой категории контролируемости / неконтролируемости и др. В результате этого происходит подмена собственно каузации автокаузацией, нарушается соотношение прямой и обратной каузации, наблюдаются аномальные альтернативные следствия и несвойственная пропозициям категоричность, безальтернативность развития ситуации.

Ключевые слова: аномалия, законы логики, каузация, семантика, языковая игра.

The article features the cause and effect relations in word play. The phenomenon is illustrated by causative propositions. Distortion of their formation norms can occur at the expense of infringement of logic laws, influence of the latent category controlled/uncontrolled, etc. As a result of it there is a substitution of causation by autocausation, the correlation between direct and return causation is broken, there appear abnormal alternative consequences and an unusual categoriality, as well as the non-alternative way of situation development.

Key words: anomaly, causation, laws of logic, semantics, word play.

Языковая игра – „творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и / или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – коми-

ческого характера” [15, 86]. Трансформации, происходящие в указанном лингвокреативном феномене, могут происходить на всех уровнях языка и затрагивать как семантику языковых единиц, так и логику их употребления. Мы коснемся описания преобразований на уровне семантической структуры предложения, а именно в плане каузальных пропозиций. Каузация относится к числу пропозиций, допускающих в качестве объектов только события и характеризующих межпропозитивные отношения. Под каузацией понимают „выражение причинно-следственных отношений, в которых воздействие субъекта или события вызывает действие, состояние, изменение качества другого субъекта” [9, 267]. Существуют разные типологии каузативных конструкций (см. об этом подробнее: 8, 278 –297). В настоящее время версии причинности делятся на перспективные, представляющие каузативную ситуацию в объективном порядке причины и следствия, и ретроспективные, соотносящие данное положение дел с предшествующим событием, с подтекстом. Этим двум „способам выражения межсобытийных отношений соответствуют два класса каузативных конструкций: глагольные и именные. Глагольными каузативными конструкциями чаще выражаются версии перспективные (а), именными – ретроспективные версии (б) причинно-следственных отношений” [7, 267]: (а) *Мать просит сына приехать* (делает так, чтобы он приехал); (б) *Он приехал по просьбе матери*.

Г. А. Золотова [7] среди семантических видов каузации выделяет следующие: перемещения (*Чайник поставлен на плиту*), владения (*Я беру книгу*), бытия (*Шить платье*), признака (*Стены стали белыми*), состояния (*Радость окрыляет его*). Каузация ведет к изменению моделей со значением статики (*Книга на столе; Цветы в вазе*) в модели со значением динамики (*Брат кладет книгу на стол; Дочь ставит цветы в вазу*). Итак, „каузативный глагол представляет собой

неэлементарный предикат, предназначенный для функционирования в условиях полипредикативных конструкций” [9, 269].

Каузативные глаголы выражают контролируемое / неконтролируемое воздействие. Как отмечают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, „если ситуация не находится под контролем субъекта (например, если субъект лишен волевого начала), то глагол несовершенного вида указывает на достижение каузируемого положения вещей: *Его будит звонок будильника ≈ Он просыпается от звонка будильника...* Если же субъект ведет контролируемую деятельность, направленную на достижение каузируемого положения вещей, имперфективный глагол может, наряду с результативным значением, иметь и значение попытки, ничего не сообщая о достижении результата: *Мать будила его, но он не проснулся* (ср. аномальное **Звонок будильника будил его, но он не проснулся*)” [1, 181].

Исследования Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева показали, что противопоставление каузативных глаголов по признаку контролируемости / неконтролируемости не может быть сведено к категорически бинарной оппозиции. „Так, наряду с полностью неконтролируемыми событиями (шум машины за окном *разбудил* отца), выделяют события, контролируемые лишь частично – каузирующее действие контролируется субъектом, но каузируемое положение дел не входит в его намерения и ему неподконтрольно (ребенок громко разговаривал и нечаянно *разбудил* отца)” [1, 182]. Таким образом, заключают лингвисты, в наличии сосуществование двух признаков – контролируемости / неконтролируемости и намеренности / ненамеренности. „При этом каузация посредством контролируемой деятельности может быть намеренной или ненамеренной, а неагентивная каузация... всегда ненамеренна” [Там же].

Приведенные различия определяют выбор видовых форм при отрицании: „если глагол обозначает контролируемое

действие, то в конструкциях с отрицанием используется несовершенный вид, а в форме совершенного вида в таких конструкциях могут выступать лишь глаголы, обозначающие события, которые не зависят от воли субъекта” [1, 182]. Система каузативных конструкций, по мнению Г. А. Золотовой, представлена следующими оппозициями: *произвольной* и *непроизвольной* каузации; *прямой (положительной)* и *обратной (отрицательной)* каузации; *автокаузации* (Агенс и Каузатор – одно лицо / предмет) и *каузации* (Агенс и Каузатор – разные лица / предметы) [8, 278 – 297].

„Каузатор действия обычно представляет собой лицо, агенс, каузативное действие которого произвольно, целенаправленно. Если же место каузатора занимает имя отвлеченного понятия, каузативная конструкция выступает в своей разновидности – непроизвольной каузации: *Хозяйка вынудила нас покинуть дом; Недоброжелательность хозяйки вынудила нас покинуть дом...* Каузативный компонент, включающий признак лица, может быть расчленен таким образом, что имя лица остается в позиции агенса-каузатора, а название признака-каузатора занимает орудийную позицию: *Хозяйка своим недоброжелательством вынудила нас покинуть дом*” [8, 284 – 285]. Однако предложения типа *Болезнь хозяйки вынудила нас покинуть дом* невозможно подвергнуть такой трансформации, которая и будет служить критерием разграничения произвольной и непроизвольной каузации в разных видах высказываний.

Если каузатор (X) делает так, чтобы причинно-следственные отношения были, то каузацию можно назвать прямой, или положительной (*X бросает книгу под стол*); если каузатор делает так, чтобы этих отношений не было, то перед нами отрицательная, или обратная, каузация (*X поднимает книгу из-под стола*). Если субъект действия и объект воздействия совпадают в одном лице, то в

этом случае применяется понятие автокаузации. Автокаузация подразделяется на произвольную (*Книга падает на пол*) и непроизвольную (*От толчка книга падает на пол*).

Учитывая то, что все виды каузации в языке репрезентируется формулой $P \rightarrow Q$, где P – ситуация-причина, Q – ситуация-следствие, $\rightarrow$ – собственно каузальная связь, И. М. Кобозева и И. И. Лауфер [11, 81 – 83] представляют иерархию каузативных отношений в русском языке так: *аналитичность* › *синкретичность*; *ассертивность* › *презумптивность*; *эксплицитность* › *имплицитность*. Охарактеризуем первые два параметра.

По признаку *аналитичность* › *синкретичность* каузальные конструкции подразделяются на три типа: 1) нерасчлененные конструкции, в которых ни один из трех компонентов каузальной формулы не обладает синтаксической самостоятельностью; 2) частично-расчлененные конструкции, в которых каузальная связь не обладает синтаксической самостоятельностью, а выражается слитно со значением одной из ситуаций (обычно причинной); 3) расчлененные конструкции, в которых каждый из трех компонентов каузальной формулы соответствует отдельному компоненту поверхностной структуры (это предложения с союзами, предлогами и предикатами, обозначающими чисто каузальные отношения).

По параметру *ассертивность* › *презумптивность* каузальные конструкции представлены двумя типами: 1) ассертивно-каузальные, содержащие каузальную связь в ассерции; 2) презумптивно-каузальные, содержащие каузальную связь в презумпции.

По параметру *эксплицитность* › *имплицитность* каузальные конструкции делятся на два типа: 1) полные конструкции, в которых так или иначе выражены все три компонента каузальной формулы (к ним относятся все выше приведенные примеры); 2) эллиптические конструкции, в которых выражен один из компонентов каузальной формулы – *Сегодня*

мы не выходили гулять (Q): было очень холодно (P), где не выражено причинное отношение - - →.

Проследим, каковы особенности формирования каузальных пропозиций расчлененной структуры в текстах, содержащих феномен *языковой игры*. Материал исследования черпался из произведений современных писателей-прозаиков – М. Веллера, В. Войновича, С. Довлатова, Ю. Полякова.

Логический закон достаточного основания гласит: всякая мысль признается истинной, если она имеет достаточное основание [10, 20]. Достаточным основанием может служить другая мысль, уже проверенная и установленная. Таковой для приведенной ниже диктемы является следующая: лень не является серьезной причиной как для расставания, так и для соединения двух людей. Имеет место и нарушение другого логического закона – закона тождества (всякая мысль в процессе рассуждения должна быть тождественна самой себе [10, 16]), потому что неравнозначны параметры сравниваемых понятий по признакам контролируемости / неконтролируемости и желательности / нежелательности действия. Контролируемый, но не желаемый процесс *уходить из семьи* вступает в противоречие с желаемым, но неконтролируемым / частично контролируемым состоянием – *ленью*. Уход из семьи связан обычно с внешней причиной, имеющей каузатора (собственно каузация), а в данном примере причина внутренняя (состояние субъекта), что обуславливает наличие аномальной автокаузации: *Моя жена говорит: – Это безумие – жить с мужчиной, который не уходит (Q) только потому, что (- - →) ленился (P) [6 IV, 433].*

Аналогичный пример несоответствия причины (*не злопамятны*) и следствия (*ленивы*): *Есть у номенклатурных работников одно привлекательное свойство. Они не злопамятны (Q) хотя бы потому, что (- - →) ленивы (P) [6 I, 408].*

Нарушение закона достаточного основания служит созданию следующей языковой игры, где причиной негативного следствия (*развода*) служит не отрицательный фактор, а нечто нейтральное (*невозмутимость жены*): *В Америку я приехал с мечтой о разводе. Единственной причиной (- - →) развода (Q) была крайняя степень невозмутимости моей жены (P). Ее спокойствие не имело границ* [6 II, 423 – 424]. Как можем убедиться, каузатор является ложным, потому что он не способствует осуществлению запланированного действия, является пассивным участником. На наш взгляд, в данном примере присутствует имплицитная автокаузация.

Противоречивое представление научных законов (законов жизнедеятельности) вступает в конфликт с логическим законом достаточного основания. Уступка / причина, заключенная в темпоративе *прошло уже более года*, абсурдна, так как приведенное следствие не входит в список возможных альтернатив. При этом прямая (положительная) автокаузация не может быть представлена своим коррелятом – обратной (отрицательной) автокаузацией: – *Как там наши?* – *спросил я.* – *Многие померли,* – *ответил Секин,* – *например, Шура Глянец. Глянец пошел купаться и нырнул. Да так и не вынырнул (Q). Хотя (- - →) прошло уже более года (P)* [6 I, 45].

Закон достаточного основания не действенен и в ситуации, когда гипотетической причиной *мир обречен* становится конкретное следствие *не буду менять линолеум*: – *Я не буду менять линолеум (Q2),* – *сказал он.* – *Я передумал (Q1), ибо (- - →) мир обречен (P)* [6 II, 356]. В качестве каузатора здесь выступает аномально привлеченное на эту роль обобщенное суждение.

В следующем далее примере есть нарушение того же логического закона: отнесенность к той или иной нации (P) не может служить причиной ее уничтожения (Q). Такое категоричное, безальтернативное следствие на первый взгляд абсурдно, но возможно с точки зрения известных историче-

ских фактов (репрессии, геноцид, проводимые при тоталитарных режимах): – *Он не русский, – сдержанно напоминали в ЦК. – У нас в русских газетах и так работает половина евреев (P). – Так что мне теперь (- - →), в газовую камеру его отправить (Q)? – не выдержал Томбу [2, 29].* Признаки, положенные в основу начальной операции сравнения причины (*выпил столько моей крови*) и результата (*стал евреем*), несовместимы, поэтому следствие характеризуется как ошибочное, но именно на этой намеренной ошибке и строится языковая игра: *Кстати, Борина жена, в девичестве – Файнциммер, любила повторять: „Боря выпил столько моей крови (P), что теперь (- - →) и он наполовину еврей (Q)!” [6 III, 464].* Законы жизни противопоставляются законам логики в установлении истинной причины (P1) констатируемого следствия (Q), ср.: – *Накажут, – подтвердил прокурор. – ...Только ты вот думаешь, что тебя накажут за то, что ты хлеб мокрый убирать отказался или баранам кого-то назвал (P2). Нет, брат, вовсе не за это. Просто ты достиг того положения (P1), при котором рано или поздно все равно окажешься виноват (Q) [4, 384].* Само по себе высокое общественное положение не является достаточным основанием для обвинения, этому служат только ошибки в работе, плохое выполнение своих обязанностей и др. Таким образом, альтернативность следствия сменяется на категоричность, безальтернативность его. Это может противоречить здравому смыслу, но является возможным.

Аналогичный пример, в котором честность становится причиной увольнения с работы, ср.: *В другом романе нити злодеяния распутывал частный детектив, уволенный из милиции (Q) за нездоровую честность, бросающую тень на профессию (P) [14, 369].*

При построении контрадикторного высказывания причинно-следственная связь алогизирует закон противоречия (два несовместимых суждения не могут быть одновременно

истинными; по крайней мере одно из них необходимо ложно [10, 17]: – *Сценарий хороший* (Р). *Значит* (- - →), *его не примут* (Q) [6 II, 361]. Положительная оценка, заключенная в лексеме *хороший*, ведет к аномальному отрицательному следствию. Возможность конструирования такой реплики основана на экзистенциальной пресуппозиции – цензура, существовавшая в советское время, отвергала все идеологически чуждое, каким бы гениальным ни был продукт творчества.

Противопоставление двух пропозиций только в плане временной оси (*вчера, сегодня*) не может служить достаточным основанием доказательства тезиса: *По телевидению выступил видный финансовый эксперт, сказавший, что крах ДДД неизбежен, и если он еще вчера говорил совершенно противоположное* (Р), *то это только потому* (- - →), *что сегодня он говорил правду* (Q) [13, 417].

Существование в игре контрадикторных суждений, нарушающих логический закон противоречия, оправданы имплицитной прагматикой: чтобы убедиться в нежизнеспособности общества, невозможности его существования, надо его создать: *А никто не понимал такой простой вещи, что для того, чтобы* (- - →) *разрушить коммунизм* (Q), *надо его построить* (Р) [5, 358]. „Порочный круг”, возникающий в ходе такого рассуждения, прагматически оправдан, что делает возможным обязательное одновременное парное существование прямой и обратной каузаций.

Ложная контролируемость ситуации ведет к ложному следствию в связи с тем, что и Адресат (обыватель) и Каузатор-производитель (партия; совокупность людей, образующих данное социальное объединение) по сути тождественны в своих возможностях: *Как жили! Братцы мои, как же мы хорошо жили! Водочки выпьешь, колбаской с батончиком белым закусишь, сигаретку закуришь... и никаких беспокойств о будущем* (Q), *потому что* (- - →) *партия по телевизору все уже решила: стабильность* (Р) [3, 107]. Апелляция к известной

фразе (см.: „Повесть о Петре и Февронии” [1979], произведения А. Грина *Они жили долго и умерли в один день* – рассказы „Позорный столб”, „Сто верст по реке”), возводящейся, в некотором смысле, в ранг художественной догмы, с последующим низвержением статуса гипотетически счастливой концовки, становится объектом создания следующей игры: *В общем, похоронили их вместе, по-супружески... оказывается, чтобы (- - →) помереть в один день (Q), супругам не обязательно вести изнурительно образцовую семейную жизнь и совершенно излишне быть праведниками (P1), достаточно сообща набузукаться поддельной водкой (P2)* [12, 262]. Таким образом, фразема *помереть в один день* меняет закрепленную за ней положительную коннотацию под влиянием прагматических факторов (*набузукаться поддельной водкой*) на отрицательную, делая возможным альтернативность причин.

Имплицитное следствие Q2 объясняется причинно-следственной осью – P1 - - → Q1, – которая определяется наличием контролируемости ситуации субъектом (здесь мы подразумеваем собирательное значение агенса), находящимся за кадром, имеющим высокий социальный статус и являющимся единственным, кто влияет на происходящее в действительности: *На суде адвокат пел, как Карузо. Свидетели мычали и отрецивались. Зал рукоплескал. Прокурор потел униженно. Фима действительно выходил пред лицом Закона чище, чем вздох ангела (P2). Тем не менее двенадцать лет с конфискацией он огреб (Q1), потому что (- - →) этот приговор был заранее вынесен в Смольном (P1)* [3, 29].

Итак, реализация аномальных причинно-следственных отношений в расчлененных высказываниях происходит за счет нарушения двух логических законов – достаточного основания и противоречия. На искажение каузальных связей влияет сосуществование контролируемых и неконтролируемых действий, участие прагматических факторов и эксис-

тенциальной пресуппозиции, отражающей жизненный опыт адресанта и адресата, связанный с определенным историческим периодом развития общества.

В результате названных выше нарушений происходит подмена собственно каузации автокаузацией. Нарушается соотношение прямой и обратной каузации: эта корреляция может выступать в языковой игре как обязательно парно актуализирующаяся, так и имеющая окказиональный коррелят, не закрепленный узусом и противоречащий здравому смыслу. В ходе таких аномальных причинно-следственных связей задействуются только самые общие семы лексических значений слов. В языковой игре наблюдается также аномальные альтернативные следствия и несвойственная пропозициям категоричность, безальтернативность развития ситуации.

Все указанные трансформации каузативных пропозиций и причины, их порождающие, подтверждают тезис об особой природе лингвального феномена языковой игры, перспективности его дальнейшего исследования для выявления взаимодействия логических и семантических аномалий.

Литература

1. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 1997. – С. 437 – 477.
2. Веллер М. Долина идолов / М. Веллер. – М. : Издательство АСТ, 2006. – 544 с.
3. Веллер М. Легенды Невского проспекта / М. Веллер. – М. : Издательство АСТ, 2007. – 416 с.
4. Войнович В. Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина. Книга I. Лицо неприкосновенное. Книга II. Претендент на престол / В. Войнович. – М. : Эксмо, 2008. – 608 с.
5. Войнович В. Москва 2042 / В. Войнович. – М. : Эксмо, 2007. – 384 с.
6. Довлатов С. Собрание сочинений: в 4 т. / С. Довлатов. – СПб. : Азбука-классика, 2005.

7. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : КомКнига, 2006. – 368 с.
8. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : КомКнига, 2005. – 352 с.
9. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Ин-т рус. яз. РАН, 2004. – 544 с.
10. Кириллов В. И. Логика : учебник для юридических вузов / В. И. Кириллов, А. А. Старченко. – М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – 240 с.
11. Кобозева И. М. Неявная каузация и модальные предикаты долженствования / И. М. Кобозева, И. И. Лауфер // Каузальность и структуры рассуждения в русском языке. Межвузовский сборник научных трудов. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1993. – С. 81–94.
12. Поляков Ю. М. Треугольная жизнь : Романы, повесть / Ю. М. Поляков. – М. : ЗАО „РОСМЭН-ПРЕСС“, 2007. – 682 с.
13. Поляков Ю. Козленок в молоке // Ю. Поляков. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 444 с.
14. Поляков Ю. Гипсовый трубач: дубль два // Ю. Поляков. – М. : Астрель : АСТ, 2010. – 488 с.
15. Сковородников А. П. О понятии и термине „языковая игра” // А. П. Сковородников / Филологические науки. – 2004. – № 2. – С. 79 – 87.